Елизавета Кукловская.

Былое

Зажжённым факелом навеки
Чудесных тайн былых миров,
Лишь раз приходит к человеку
Весны бессмертная любовь...

Елизавета Кукловская.

Elizabeth S. Kuklowsky.

Bygone.

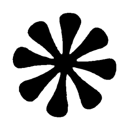
This book is a second part of the lyric poem
"Snow Storm"

"BOOKS BY MAIL"
519 Union Avenue, Paterson, New Jersey 07522
U. S. A.

Пролог

ПАРИЖ

Столица мира – беспокойный
Веками признанный фетиш,
Законодатель мод достойный,
Блестящий ветрянный Париж.
Шумливых звонких улиц знойность,
Триумф ушедшей красоты
И башни Эйфелевой стройность
На фоне пьяной суеты.
Величье храмов и окраин
В тени пленительных аллей,
Париж – скучающий хозяин –
Разврата, блеска и страстей.
Сады сверкающих фонтанов,
Притихшей Сены колдовство,
Витрин, звенящих ресторанов,
Огней, – ночное торжество.
"Свобода, равенство и братство" –
Французской гордости девиз
И скрытой бренности коварство
Под ночником Монмартских риз.
Париж – безгранная безнравность
Мятежных спутанных дорог,
И беспощадность, и бесправность
Житейской скорби и тревог.
Но в нашей жизни ненапрасно
О всем забытом отжитом,
Мы об одном лишь о прекрасном,
Былую память бережем.
Мне тоже снится берег Сены
И вечеров забытых тишь,
В себе таящий перемену
Ушедших дней весны – Париж...

Тому, кто не был заграницей
Не объяснить, не передать
Реклам порядок многолицый
И языка их не понять.
Со стен метро манят, смеются:
Часы, брильянты, парики,
Мелькают станции, несутся,
Как ярких молний огоньки.
В конце знакомой остановки
На Вас как будто бы глядит,
Смеется женская головка
И белый ряд зубов блестит.
Под нею адрес, надпись, дата –
Пера французский легкий стиль,
Двустишье, росчерк витьеватый:
Зубная паста – "Саножиль".
Пять Рю Поль Барюэль, войдите, –
Вот фабрика – ей равной нет.
Зубную пасту, посмотрите,
Здесь производят много лет.
Такая богадельня, кстати,
И платит мало старикам,
Но кто же сетует о плате,
Коль русских цвет собрался там, –
Министр, княгиня, баронесса,
Ученых трое, бывший граф,
Отрывок повести известной –
Судьбой давно забытых глав.
Директор русский – химик строгий,
Седой старик почтенных лет –
Вот здесь, хотите по дороге,
К нему заглянем в кабинет?
Он не один, как необычно,
На кресле девушка сидит
С лицом простым и симпатичным,
А он – отец Ребров – стоит!..

Её он слушает и властный
Теплеет взгляд холодных глаз,
Сюда, поближе. Вы согласны
Послушать с ним её рассказ?
"Напрасно мы отца искали,
Он много пил, не рад был нам,
Ведь мы вдвоем ему мешали,
А он любил свою "Мадам".
Болела Мама и грустила,
И примириться не могла,
Я Вам об этом говорила:
Она от горя умерла...
Но даже после смерти Мамы
Мы общих слов с ним не нашли,
Остался он таким же самым
И жить мы вместе не смогли.
Отец с "Мадам" теперь на юге,
А здесь, в Париже, Мамин брат,
Но дядя со своей супругой
(Он на француженке женат)
Меня пустить к ним побоялся:
"Советская" – боятся их.
И снова в жизнь мою ворвался,
Сердясь, буран невзгод лихих.
Без языка, друзей, без крова,
Ни средств, ни карты трудовой,
К стране привыкнуть трудно новой,
Столь бессердечной и чужой.
Нас ведь Советам выдавали,
Да, знаете, наверно, Вы?
За это деньги получали –
Пять тысяч франков с головы.
Меня старушка приютила,
К себе из церкви привела,
Она о Вас мне говорила
И даже адрес Ваш дала.

Швея – дворянка столбовая, –
А я училась – вот диплом –
Неплохо химию я знаю,
Просить хочу Вас об одном:
Меня на фабрику возьмите..."
Директор двери приоткрыл,
"Увидим... Завтра приходите,
Свои я все дела забыл,
А имя Ваше? Просто Надя,
Да, это, впрочем, все равно..."
И теплота опять во взгляде
Самим забытая давно.
Но вскоре голосом суровым
Сердито что-то стал кричать,
Мы вышли... Завтра нам с ним снова
Прийдется встретиться опять.
В метро, как прежде, замелькала,
Смеясь, реклам цветных стена,
А в сердце с песней оживала
Надежда, радость и весна...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смущенный взгляд весны уныло
Будил Парижский скучный день.
Шел мелкий дождь неторопливо,
Смывая сонных улиц лень.
Ночным угаром опьяненный,
Париж проснуться не спешил,
Дом Саножиля огорченно
Один лишь бодрствовать решил.
Но, впрочем, в нем, как и обычно,
Еше молчало все сейчас,
Хоть отзвенел звонок фабричный
И шел утра девятый час.

С газетой русской, в кресле, сонный
Коровкин – сторож – отдыхал,
Двойным трудом обременённый,
Он заразительно зевал.
В каморке около столовой,
Ночами забывая сон,
Писал для "Русской Мысли Новой"
Статейки регулярно он.
Но левых модных настроений,
Однако он не разделял,
О чем в своем стихотвореньи
Небеспристрастно заявлял:
"Хоть чахнет медленно над златом
Левеющий отец Ребров,
Советский паспорт взять бесплатно
Он и готов и не готов."
За эти строки был уволен
Неустрашимый холостяк,
Ребров был очень недоволен,
Забыть стихов не мог никак.
Но все пути судьбы превратны –
И после просьб, мольбы и слез,
Коровкин принят был обратно
И снова службу стража нёс.
Теперь директора боялся,
Но обвинять его нельзя,
Ему по мере сил старался
Не попадаться на глаза.
Реброва сын – очкастый Яшка
Один на лифте разъезжал,
И на таинственных бумажках
Все время что-то отмечал.
Хозяйский ключник Саножиля:
Белья, столовой, кладовой,
Он был, как это говорили,
Реброва глаз ходящий злой.

Чем заняты, когда приходят,
Он все Папаше доносил,
У дам, у русских был не в моде
И сам их, видно, не любил.
   А сердце ветренной Нинэты,
   Одной француженки пустой,
   Зажег огнем любви ответным
   Наш незадачливый герой.
Она краснела очень мило,
Скрывая пламенный порыв,
И в церковь русскую ходила,
Сынишку с мужем позабыв.
   Служебной волею приказов
   Взошла сияющей звездой –
   Телефонисткой стала сразу
   Из упаковщицы простой.
Вот и сходиться начинают...
Мелькает панорама лиц:
Чета Шапаловых шагает,
И на цепочке белый шпиц.
   Жена – типичный Павел Первый,
   На шляпе серое перо,
   Походкой быстрою и нервной,
   Спешит с бумагами в бюро.
Прелюбопытная натура,
Гордится сорок с лишним лет
Своею девичьей фигурой,
Других заслуг за нею нет.
   С собакой медленно и гордо
   Проходит муж, седой грузин,
   Готовый клясться, где угодно,
   Что он французский гражданин,
Не просто беженец российский,
Имеет свой прекрасный дом
С верандой круглой византийской,
Со шпицем, тёщей и котом.

Шапалов, впрочем, озабочен.
Собаку, видно, будет мыть;
Её с утра сегодня хочет
Успеть в сушилке просушить.
Среди воронок, колб, пробирок, –
Секрет житейской суеты –
На дне химических сушилок
Все сушат всё для быстроты.
И до прибытия Реброва
Берётся каждый за свое –
Жорж Николандров с Токарёвым
Стирают нижнее белье.
Покройки галстуков считают
Сестрицы две Агабадьян,
Стихи Грязищев граф читает,
Повидло варит Варабан.
Для мужа штопает Вилица
Носки, рубашки и штаны,
Мелькают памятные лица,
Заботы утренней полны.
Бежит кухарка-пианистка,
Мадам Ирэна Перелаз,
Она теперь евангелистка
И замужем четвертый раз.
За нею Твирский- химик следом
Спешит в свой тихий уголок,
Слывет литературоведом
Бесспорный Пушкина знаток,
Страдает много лет безмолвно
Под гнётом тёщиных забот,
Со всеми вежлив поголовно
И скромно жребий свой несет.
Торопится гречанка Дала
Заказы пасты принимать,
Любви свободное начало
Ей даровала жизнь опять.

Имела мужа, но упрямо
Сошлась, соскучившись, с другим,
И муж ушел, развеял драму
Любви свободной едкий дым.
Границ теперь желаньям нету
Всегда в кого-то влюблена,
Французским следуя заветам,
Никем не брезгует она.
А вот и сын хозяйский Ася,
В расчёты формул погружен.
Проводит изысканий массу
Пятнадцать лет бесплодно он.
Возможно, тронут он немного,
Но в наш найдется ль, впрочем век,
Подвластный жизненным налогам,
Совсем нормальный человек?
С улыбкой выступают плавно
Две дамы высшего "тавро",
Княгиня Вера Николавна
И баронесса Фон Навро.
А следом шествуют угрюмо,
Былой известностью гордясь,
Министр в отставке Акабумов,
И Дым-Кирей, грузинский князь.
В отделе упаковки пасты
Все четверо проводят день,
Но часто мстит сей высшей касте
Нетитулованная лень.
С портфелем шествует огромным
Учёный физик, Худаков.
Себя механик этот "скромный"
Чтит знатоком из знатоков.
Оратор, впрочем, он приличный
И собеседник неплохой.
Машинам пользы же фабричным
Он не приносит никакой.

А вот вошли сейчас в ворота:
Ганько, Шень-Шень и Гаврилюк –
Все три советских патриота,
Продавших совесть и досуг.
Последний горько поплатился,
Стремясь на родину назад:
В тайге далёкой очутился,
Попав в советско-райский ад.
А двум другим пришлось позорно
Свои припрятать паспорта,
Вопрос патриотизма спорный
Не поднимают никогда.
Дом Саножиля оживает.
Знакомых лиц волна плывет,
Дэ Ля Руа приход считает,
Брокдамус сельди продает.
Торговля бойкая в разгаре,
Кто спорит, вяжет, варит, шьет,
Поток забот в дневном угаре
Руслом обыденным течет.
Совсем, некстати, нежеланно
Сердито девять бьет часов,
И вот по комнатам нежданно,
Как злобный вихрь, летит Ребров.
В миг изменяется картина, –
Теперь проснулся Саножиль:
Кричит Ребров. Стучат машины
И в сказку жизни входит быль...
Былое, лица, люди, встречи,
Минуты будничных тревог,
Шагами Вашими отмечен
Судьбы обветренный пролог.
Простите за упрёк напрасный,
Вас не хотелось обижать,
Лишь гений Гоголя прекрасный
Мог Вас правдиво описать.

А мы: мы – "люди-человеки"
И пишут все, увы, стихи,
Простятся ль нам самим во-веки
Поступки наши и грехи?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ночное кабарэ столицы,
Нарядных столиков угар,
А между ними вереницы
Танцующих влюбленно пар.
И по законам ресторанным
Бокалов неумолчный звон
И песня с переливом странным
Под плач гитар и скрипок стон.
Здесь всё звенит душей Парижа,
И музыканты и певец,
На дне Монмартского престижа
Плен заблудившихся сердец.
Блестящий танец юной пары,
Балета пламенный поклон,
И снова песня и гитара,
Бокалов смех и перезвон.
В объятьях трепетного зала
Мелькнул знакомый силуэт,
Заря улыбки засияла
Нам на приветствие в ответ.
И непосредственным весельем
Взлетела слов живых волна:
"Я в танец этот, в это пенье
И в этот вечер влюблена!
Как необычно все и ново,
Прекрасна песен череда,
И в них горящие два слова:
Амур тужур – любовь всегда!

А вы, как будто, приуныли,
Да разве можно здесь скучать!
А вот и Дала, не забыли,
Вы с ней должны потанцевать!"
    И мимо пары пролетели
    В потоке искристых огней,
    Но Надю мы узнать успели
    Среди танцующих гостей.
Мы с ней встречались в Саножиле,
С ней познакомились мы там,
Её работу оценили
И ей помог директор сам.
    Её зачислил лаборанткой,
    Он в префектуру с ней ходил
    И карту старой эмигрантки
    Ребров для Нади получил.
Протекций помощью всесильной,
Закон влиятельных кругов,
И взяткой пасты саножильной
Свел счет всем трудностям Ребров.
    Директор, впрочем, очень многим
    В житейских бурях помогал,
    Но сам старик ворчливо-строгий
    К себе приязни не внушал.
С его приходом торопливо
На лицах страх мелькал порой,
И разбегались все пугливо,
Подвластно логике простой.
    Боялись мы отца Реброва,
    Хоть знали долгие года,
    Но под личиною суровой
    Теплилась сердца доброта.
А Надя разгадала это,
Весь мир тогда казался ей
Чудесным, милым, и на свете
Недобрых не было людей.

В живой работе интересной
Мелькали дни, звеня весной,
Будили встречи взором лестным
Задор успеха молодой.
    Она теперь сдружилась с Далой
    И жизнь настойчиво смеясь,
    Свой новый вызов дням бросала
    К судьбе неведомой стремясь.
Сонм идеалов тает странный,
Табачным дымом прожжена
Несется песня грусти пьяной
В слезах Монмартского вина.
    Подымем дружные бокалы,
    Друзья беспечности моей,
    За встречу с Надей и за Далу,
    За блеск сверкающих огней!
За взгляд бессонного Парижа
И лоска ветренный уют,
Они живою искрой брызжат
Незабываемых минут!..
    Ведь за порогом мрак туманов
    И ропот плачущих дождей,
    Друзья, за встречи в ресторанах!
    За беззаботность вешних дней!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Звонок. Притихшая квартира
В волненьи скрытом ожила,
Хозяйка двери приоткрыла
И на пороге замерла...
    Двух женщин облик утомленный,
    Худой мужчина, склад вещей,
    Взгляд Софьи Львовны удивленно
    Обжег непрошенных гостей.

"Простите, я ищу кузена,
Мне Красный Крест ваш адрес дал,
Сюда приехали из Вены,
Я о себе ему писал.
Так вы – моя кузина, значит.
Я – Лесь, вот тёща и жена!
Знакомства сложная задача
У нас легко разрешена.!
Боясь консьержки глаз сердитых,
Соседей злых кляня молву,
Хозяйка бросила: "Войдите,
А я Бориса позову."
Борис Привреций-Апашканский,
А по-французски – Дэ-Привро,
Владел, гордясь, гербом дворянским
И очень прибыльным бистро.
Его парижская квартира
Цвела в портретах и гербах,
Тщеславный лик иного мира
Вселил в сердца вошедших страх.
И прозвучали беспристрастно
Сухим приветствием слова:
"На время вас принять согласен,
Вам лучше отдохнуть сперва."
Хозяйка в комнату прислуги
Гостей незванных привела,
На вещи беженцев в испуге
Брезгливый взгляд перевела.
Потом спросила с злой усмешкой:
"У вас для ванны мыло есть?
Прошу особенно не мешкать,
Обедать будем ровно в шесть."
Дивясь обиде беспричинной,
Лесь улыбнулся лишь в ответ. –
"Не бойтесь, милая кузина,
Мы не пропустим ваш обед."

Скитаний годы на чужбине,
Войны безжалостной следы,
Они преследуют поныне
Бездомных странников нужды.
    Бывало ночью, на вокзале,
    Им недоступно далеки,
    Надеждой сказочной сияли
    Домов живые огоньки.
Мечтой несбыточной казалось
В дом, наконец, войти жилой,
И страх и горькая усталость
Сплелись с тревогой и тоской.
    Бараков лагерных казармы,
    Отъезда трудностей поток,
    Волнений беженских кошмары,
    А что теперь сулит им рок?
Так много было пережито,
Так много пройдено пути,
Как трудно к жизни позабытой
Тропой обыденной идти.
    Вот и обед – манерно чинный
    Священный начался обряд.
    Улыбка кислая кузины,
    Кузена замечаний ряд.
"Бери поменьше масла, милый,
И только кончиком ножа.
Манерам видно не учили,
Да кушай меньше, не спеша...
    Сиди ровней, не наклоняйся.
    Салфетку справа положи.
    Ведь воспитанья нет, признайся?
    А вилку правильно держи!
Ты композитор, – есть дипломы.
Забудь о музыке навек.
Законы жизни нам знакомы,
Ты просто дикий человек.

И все вы – дикие бесспорно.
Чего один ваш стоит вид.
Известно всем, что даже дворник
Здесь по-французски говорит.
Пусть это вас не обижает,
У нас воспитанность в крови,
Диплом ничто. Здесь жизнь иная.
Законы долга, не любви.
Нет, вам нельзя сравниться с нами.
Вот если будет в банке счёт,
Тогда поймёте это сами.
А с вами тьма пока забот:
Пришлось прислугу нам уволить,
Её вам комнату отдать.
А завтра нужно Софье Львовне
Для вас в полицию бежать.
Пока бумаги все оформишь,
Пока вам карточки дадут.
Три рта бесплатно не накормишь,
А дни за днями побегут.
С утра мне завтра аккуратно
Расходы нужно записать.
Сегодня – гости, но бесплатно
Я вас не думаю держать.
Я, впрочем, очень человечен,
И терпеливо буду ждать.
Работой будешь обеспечен,
Начнешь долги мне отдавать.
Кот не подымет лапу даром,
А я устрою на завод.
Тебя возьмут. Ведь ты не старый.
Привыкнешь! Время спесь собьет!"
Надутой тёщи взгляд слезливый,
И вздохи частые жены
Несли обид речитативы
В круг незаслуженной вины.

И Лесю в жаркой комнатушке
Всё становилось холодней.
Дум безотрадная ловушка
Тесней сплеталась и сложней.
Души, казалось, отголоски,
Устав от жизненной борьбы,
Бросали счастье на подмостки
Нерасточительной судьбы.
И шумных улиц эстафета
Сожгла бессонной ночи тишь.
А за окном огнями света
Сверкал загадочный Париж...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Зеленый пригород Парижа,
Сквозь поредевший Сервский лес
Видны домов цветные крыши
Под скромной ласкою небес.
В цветах картинного парада
Парижа серый взгляд забыт,
Деревья всюду, за оградой
Вот церковь русская стоит.
На коренной земле французской,
Судьбе покорны времена;
Живет и здесь немало русских
И речь здесь русская слышна.
Из церкви вышли богомолки,
Да не поставим им в укор,
Двух женщин русских очень громкий
Занятный слышен разговор:
"Да, да, одна вздыхает скромно,
Пожалуй, Нина, вы правы,
Мне первой было неудобно,
Но если догадались вы..."

Другая: "Аня, дорогая,
Вы всё должны мне рассказать,
Поверьте, я о многом знаю,
Умею видеть и молчать."
"Ну, Нина, буду откровенной,
Я вовсе зятя не люблю,"
"Да, у него характер скверный..."
"Жалею Асю – дочь мою...
Живем у вас мы две недели,
Пролито Асей много слёз,
А у Бориса, что терпели,
Зачем нас Лесь в Париж привез?
Не может он найти работы?
Да, просто ленится искать,
Он музыкой своей кого-то
Напрасно хочет удивлять.
Привык к успеху, поклонению,
Страдала Асенька моя
Все эти годы, к сожаленью,
А вместе с ней страдала я.
Он композитор – это значит
Семью кормила только я,
Вы сами видите, как плачем
И я, и Асенька моя.
А о талантах всем известно,
Ведь дочь талантливей его,
Зальется жалостливой песней,
Дойдет до сердца самого!
И ноты Ася разбирает,
Всю может оперу пропеть,
За что несчастная страдает
И сколько ей еще терпеть?
Хотя супруг ваш Афанасий
И дядя зятю моему,
Вы с ним роднее мне и Асе
И много ближе, чем ему."

"Ах, Аня бедная, не надо,
Не плачьте! Мы жалеем вас.
Мы даже очень с мужем рады
Помочь вам с Асенькой сейчас.
Да, Лесь, – он слишком своеволен,
Не хочет слушать никого,
Молчит, как будто недоволен,
А мы не знаем отчего?
Мой муж ефрейтор был военный,
И научить всему готов,
Совет дать Лесю может ценный,
Но не найдешь с ним общих слов.
Вот Лесь обижен на Бориса
За то, что счёт тот предъявил,
Но это не было сюрпризом,
Борис об этом говорил.
Немного Соня присчитала,
Купоны срезала вина,
Но карточки она достала
И в дом пустила их она.
Мы с мужем подсчитаем тоже,
Расходы нужно оплатить,
Пусть Лесь не думает, что может
Бесплатно в нашем доме жить!
А вы отплатите работой,
Мне нужно, кстати, платье сшить,
Но вам и Асе до субботы
С отплатой можно не спешить.
Мы с мужем любим вас и Асю.
Живите хоть всегда у нас."
"Ах, Нина, это наше счастье,
Мы с Асей очень любим вас..."
Вздыхая смолкли разговоры,
И лишь садов цветная даль
Несла в безмолвном приговоре
Притихшей улицы печаль...

А наш виновник всех дискуссий,
Вину за всё несущий Лесь,
Чье имя вдохновлялось грустью
И чью сломить решили спесь.
Бесплодно обивал пороги
Всех министерств бюро труда,
Но грозных туч земной тревоги
Над ним сгущалась череда.
Как иностранец только право
На труд тяжелый получил,
Жгла склок семейная отрава,
Долгов растущий гнёт давил.
И осозналась с новой силой
Житейской драмы глубина:
Чужбина – беженцев могила
И неприступная стена.
Здесь без разбора и различья
За эмигрантское пятно,
Клеймя язвительно позором
Бросает жизнь людей на дно.
И безисходностью пугливой
Над стадом загнанных в тупик
Звездой сияет молчаливой
Судьбы коварно-светлый лик.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Зима... Величье хлопьев снежных
Лес украшает сединой,
А воздух полон безмятежной
Своей особой тишиной.
В холодной гордости молчанья
Застыл деревьев белый ряд,
Неудостоивших вниманьем
Неутомимый снегопад.

А в чистоте блестящей снега
Зимы торжественный уют,
Спокойствия лесная нега,
Покой безветренных минут.
  Лесь в молчаливой дружбе леса
  Обрел забвенья чудный дар –
  Сошла с души его завеса
  Житейских злободневных чар.
Всё также был он без работы,
Но, наконец, барак нашел
Куда от дядиной заботы
С семьей своею перешел.
  А холод побороть смертельный
  Лесь без угля зимой решил
  С утра с повозкой самодельной
  Он ежедневно в лес спешил.
Сухие ветки собирая
Все тайны лесу поверял,
От ссор семейных отдыхая,
Ему всю душу открывал.
  И с собеседником безмолвным
  Делился новою бедой,
  Ценя всем сердцем безусловно
  Лесной особенный покой.
Пыль будней, распри огорчений,
Дней эмигрантских колея,
Потоки новых сожалений
И та же трудность бытия.
  Припомнил встречу Лесь с соседом,
  Ганько, чуть свет, пришел к нему,
  Завел обычную беседу,
  Потом сказал смеясь ему:
"Бутылки мыть тебя устрою,
Ты в Саножиль пойдешь со мной,
Семью мне жаль твою, не скрою,
Мы обсудили все с женой.

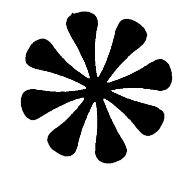
А для нее из коверкота
Пальто прийдется, кстати, сшить,
Среди советских патриотов
Я не могу последним быть!
Твоя ведь теща мастерица,
Она искусная швея
И понимает за границей
Карьера кончена твоя."
Соседу так и не ответил...
Пойти с ним завтра или нет?
Ужасно трудно жить на свете.
Лес, как мне быть? Дай, друг, совет!
Хотел я сам найти работу
Поставить на ноги семью
От вечных ссор устал я что-то,
Теряю голову свою.
Но лес молчал проникновенной
Своей особой тишиной,
Подвластный тайне неизменной
Души неведомой лесной.
Кружился снег неутомимо
И взлётом белой бахромы
Бросал мазки искусно грима
На лик дерзающей зимы...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Все изменилось в Саножиле,
Лишь только зазвонил звонок,
Заговорили, заспешили,
К столовой хлынул ног поток.
Идут по лестнице, смеются,
Вот Надя с Далою бегут,
Тирады громко раздаются,
"– Кто он и как его зовут?

Да, новый, видно, неизвестный,
С газетой, видишь, у двери,
И молодой и интересный,
Там, Надя, слева, посмотри!
Сейчас пойдем к нему поближе."
"– Потише, Далла, так нельзя,
Его я превосходно вижу,
А вот и он поднял глаза." –
Их взгляды встретились случайно...
И Надя в блеске синих глаз,
Казалось ей, познала тайну
Судьбы грядущую сейчас.
Чудес богатства в нашем мире,
Как и в поэзии, они
В воображаемом эфире
Мечту с реальностью сплели.
Желаний тайных может сила
Чужого делает родным,
Не помнит Надя, говорила ль
Она тогда о чем то с ним.
Но только сердце чаще билось
И было радостно светло,
Ведь для нее одной искрилось,
Чаруя синее тепло.
Исчезли Саножиль и Далла,
На миг один, лишь только он,
Душа от счастья ликовала
И это явь была, не сон.
"– Проснитесь, Надя, Вы ли это?
Как будто реактив кипит.
Я не дождусь от вас ответа"–
Профессор Зеллер говорит.
Да, жидкость в колбах перегрелась,
Профессор прав, – в одной, в другой,
Его обидеть не хотелось,
Он симпатичный и не злой.

Никак не ладится работа,
Да я не думаю о ней,
Всё изменилось отчего-то,
Хотя бы день прошел скорей!
Судьбу свою, казалось, Надя,
В наивной радости своей,
Прочла в горячем синем взгляде,
А может показалось ей?
По склонам жизни непокорной
Так трудно счастье обрести
И волей рока неуклонной
Пойти по верному пути.
Мечты заветных сновидений,
Кому из нас знакомы вы?
Порывы - грёзы вдохновений,
Земных страданий и любви.
Родное прошлое, былое,
Секреты радостей и бед,
Все незабвенно дорогое
К чему, увы, возврата нет.
Но жизнь идет своей тропою
И берегите каждый миг,
Её весенней красотою
Зимой любуется старик.
А летней ночью будит страстно
Она осенние года,
Жизнь – сон божественно прекрасный
Тогда, сейчас, потом, всегда...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

С уставом Саножильских правил
Лесь незнаком вначале был,
Директор ждать себя заставил
С приемом Леся не спешил.
"Зайдите после перерыва,
Хотите подождите здесь",
Дверь приоткрылась милостиво,
–"Благодарю, – ответил Лесь, –
Я подожду внизу, у входа."
Взгляд секретарши – нужно ждать!
Здесь или там, как вам угодно, –
И дверь захлопнулась опять.
Вот голосисто-дребезжащий
Фабричный зазвонил звонок
И лиц по лестнице спешащий
Шумливый двинулся поток.
И зазвенели разговоры,
Лесь был смущен и удивлен,
Когда к нему приветствий хоры
Вдруг понеслись со всех сторон.
И душу охватило чувство –
Желанье дивное – творить,
И музыкант – творец искусства –
Готов порыв был с жизнью слить.
Смеясь две девушки бежали,
Казалось, прямо на него,
Глаза одной огнем сияли
И не скрывали ничего.
Да, что-то было в них живое,
Задора ль искренний порыв,
Души сиянье молодое,
Земного ли влеченья миф?

Вот протянулись даже руки,
Но сколько было этих рук!
Друзья по случаю, по скуке,
И оттеснили двух подруг.
Событием для Саножиля
Приход был нового лица.
Толпою Леся окружили,
Вопросам не было конца...
Когда работать вы начнете?
Ганько – сосед ваш или нет?
Как вас зовут? Так вы пойдете
К отцу Реброву в кабинет?
Расспросы, возгласы, ответы...
Они дышали теплотой,
И любопытностью приветной,
И дружелюбностью простой.
Но в кабинете у Реброва
Опять к действительности Лесь
Был возвращен суровой снова:
"– Нам музыкант не нужен здесь! –"
Ребров напомнил, –"а рабочий,
Умеющий бутылки мыть.
Не всякий справится кто хочет,
И вас прийдется подучить.
Займется этим сын мой Яша,
Халат вам выдаст и штаны,
Вот все, а дальше дело ваше
И вы мне больше не нужны!"
Казенный кабинет Реброва,
Ворчливый голос старика,
Ступень в подвал эпохи новой,
Тоски житейская строка.
Кто не изведал боль скитаний,
Бесправных унижений гнёт,
Тот не поймет ни страх блужданий,
Ни горечь будничных забот.

В осколки прошлое разбито,
К закату поседевших лет
Нас время жизни мчит сердито,
Напрасно... Будущего нет...
Так потянулась жизни лямка,
Дней будних заметая пыль,
Войдя в положенную рамку
Для Леся жизненную быль:
Грязь дрязг семейных и упреков,
Плен возрастающих забот,
Нравоучений и уроков,
И утомительных работ,
Стараний и труда бесплодность
В болоте вязкой нищеты,
Тоска о прошлом, безисходность
И лёд душевной пустоты.
"– Живу, да только дней не вижу.
Они мелькают в стороне,
Не рад ни красоте Парижа,
Ни дню, ни ночи, ни весне...
Всё тонет, глохнет в брызгах, всплёсках
Бутылок грязных без числа,
Как будто с жизненных подмостков
Уже судьба меня смела.
Я сбит с дороги, я блуждаю,
Бреду неведомо куда,
К чему, зачем, я сам не знаю.
Часов мелькает череда...
А жизнь моя вся в взлёте звуков,
Я знаю – я могу творить,
Но будних дней земная мука
Надежд порвала с прошлым нить.
Устал. Работаю в две смены,
Нет даже времени для сна.
А как прекрасен берег Сены
И облаков цветных весна!

Напев мелодии весенней
В рассвете ветренного дня,
Мир незабвенный вдохновений
Уйдет не радуя меня.
    Семья не верит в мои силы,
    А композитору чужда
    Пустой бесцельности могила
    И беспросветности нужда.
Кому доверить свои чувства?
За что безжалостен так рок?
Лишив причастности к искусству,
Я бесконечно одинок...
    А встречных и знакомых лица,
    Лишь болью горечи полны,
    Страданий жизненных страницы,
    Житейской грязи и вины,
Зла не сотрут упреков грани
И долга времени они,
Как не простят земные дани
Судьбе за вверенные дни...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

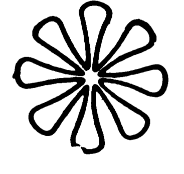
Швея дворянка Соколова
Пошла с утра к кому то шить,
Вот потому то Наде снова
Пришлось по улицам бродить.
    День этот отдыха был хуже
    Всех остальных рабочих дней,
    Как угол свой бесценный нужен,
    Когда ютишься у друзей!..
Покорность зданий обветшалых
И Сены грязно-серый вид...
Как эти памятны кварталы
Тоскою тротуарных плит,

И одиночеством в Париже,
Среди бесчисленных людей,
Теперь как будто сердцу ближе
Волненья пережитых дней.
Вот парк – приют уединенья.
Гуляют пары, старики,
А дальше кто то в отдаленьи
Сидит и пишет у реки.
К нему направилась невольно,
Не думала увидеть здесь...
Забилось сердце беспокойно.
Ведь это он! Ведь это Лесь!
"Лесь, вы? Я вам не помешаю?"
"Да, что вы! Я вам очень рад!
Вот ноты две, сейчас кончаю..."
И лаской синий вспыхнул взгляд.
"Хотите, напою вам это.
Я утром в церкви написал.
Рояля у меня ведь нету,
А Бог талант творить мне дал."
"Вы настоящий, Лесь, кудесник,
У вас мелодия живет,
Так просто кажется, чудесно.
Да каждый смертный вас поймет."–
Лесь улыбнулся, – "Что вы, Надя,
Мне похвала уже не льстит,
Все в прошлом, все осталось сзади.
Как композитор я забыт.
Бутылки мою, существую,
И не живу, и не творю,
Кляну свою судьбу я злую,
А как я музыку люблю.
Вся жизнь моя сложилась странно.
Поверите, в моей судьбе
Открылась с детства в сердце рана,
Я расскажу вам о себе.

Приходит день, молчать не можешь..."
"О, Лесь, о вас все жажду знать!
Я к творчеству причастна тоже.
Я постараюсь вас понять."
Так из рассказа Леся вскоре
Явились тени прошлых лет –
Мать и отец, сестра и ссоры,
И сам он – мальчик пяти лет.
Мать – педагог со стажем видным,
Эксперт души детей других,
Но справедливостью солидной
Пренебрегала для своих.
С улыбкой всё сестре прощала,
Души не чаяла в ней мать,
А сына ласк не замечала
И ей просила не мешать.
Отец веселый, честный, скромный,
По службе много разъезжал.
Был отголоском мамы дома,
И сына он не замечал.
Рос мальчик тихим, одиноким,
Тянулся к матери душой,
Но в нем искались все пороки,
А восторгались лишь сестрой.
Сестра ленива и бездарна,
К тому же эксцентрично зла,
Ссор вечных ревности коварной
Дни детства ядом обожгла.
Ребенок ласковый и чуткий,
Поверить правде не хотел,
Несправедливости и шутки
Сносил покорно и терпел.
Играл часами он упорно,
Груз одиночества познал,
Рояль единственным бесспорным
И верным другом его стал.

"Пошел своею я дорогой,
Решил я дирижером стать,
Теряя веру понемногу
В любовь семьи, в отца и мать.
    Консерваторию закончил,
    Известностью столичной стал,
    Но как и прежде, между прочим
    Ласк материнских не сыскал.
Тогда решил уйти, жениться,
Найти себе свою семью,
О, мама, есть ли слов граница –
Как обрести любовь твою?
    Казалась Ася славной, милой,
    Вполне заботливой женой,
    Меня, как будто бы, любила,
    Я наконец нашел покой.
Да удивляться и не нужно,
Ведь у меня нашлась семья.
Мы в общем жили с нею дружно,
В ее любовь поверил я.
    Но в жизнь ветры войны ворвались,
    Извергнув перемен поток,
    Мы за границей оказались,
    Приняв судьбы своей урок.
Вам хорошо известно это,
Порвалась с близким прошлым нить.
Здесь теща отыскалась где то,
И вместе с нами стала жить.
    И сплетни начались и ссоры,
    А тут еще пришла нужда
    И бесконечные укоры,
    И слёз ненужных череда.
Зол эпилог житейской драмы,
Опять один остался я,
Как и тогда, как было с мамой...
Злой рок преследует меня."

Нахмурясь небо потемнело,
Туман спустился над рекой.
"Лесь, я бы вам помочь хотела...
Но чем? Пора идти домой..."
А все вокруг, как в дивной сказке,
Вдруг засияло красотой.
Париж ожил в вечерней ласке
И берег Сены стал иной.
Не стало зданий обветшалых,
Ни плит тоскливых мостовой,
Зажглись старинные кварталы
Величьем славы вековой.
Неповторимой панорамой
Встал путь мерцающих огней:
Луксорского руины храма
Сверкали блеском прошлых дней.
Огни, рекламы и фонтаны
Неотразимой красоты,
И Сена в дымчатом тумане,
И радость дружбы, и мечты.
Былое... ласковым приветом
Твоим полны зарницы лет,
Мы бережем твои заветы,
Храним тобой зажжённый свет...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Чужие чувства, разговоры,
Зачем так памятны они?
Жены и тёщи Леся споры
Незабываемо слышны.
Но, как обычно, ненароком,
Мы в тайнах близких нам людей
Пристрастность не сочли пороком
Житейской мудрости своей.
"Ах, Ася, что же делать дальше?
Болеет Лесь четыре дня,
Такого не бывало раньше,
Послушай, милая, меня:
Скажи ему, что ты устала,
Тебя он должен пожалеть,
Он заработал очень мало,
Ему не время так болеть.
Пусть завтра хочет он, не хочет,
Но на работу пусть идет!
И так не стонет больше ночью,
Он спать совсем нам не дает.
Скажи ему, что я не буду
Его рубашек зашивать,
Пусть моет сам свою посуду,
Так можешь прямо и сказать.
Раз денег не принес, пусть знает,
Ведь он для нас и есть чужой,
Он сам прекрасно понимает –
Родные только мы с тобой."
Темно у Леся в комнатушке,
Стол и походная кровать,
Горят слова, огонь подушки
Мешает голову поднять.
Жар разметался на постели,
Да, это он или не он?
А там кто? Тёща, неужели?
Жена моя? Нет, это сон!

Вошла... Как будто это Ася.
А может быть и не она?
Согласен, я со всем согласен.
Была бы только тишина!
Она свое... Опять все то же...
Как безразлично! Все равно!
Ушла? А Надя где? О, Боже!
Как жарко! Кто закрыл окно?
Поднялся, встал и через силу
Лесь дверь на ключ с трудом закрыл,
И вдруг он вспомнил всё, как было:
Сначала Надю проводил,
Потом бродил один по парку,
Был вечер опьянен весной,
Дул ветер, Лесю было жарко,
Он не спешил попасть домой.
Добрался поездом последним.
Вдруг закружилась голова,
И, кажется, упал в передней...
"Он пьян!" – послышались слова.
"Нет, мама, он, как будто болен",
"Ну, отоспится, все пройдет"!
И бред потом... звон колоколен...
И холод, жар, огонь и лед...
Душили, мучили кошмары,
Просил воды, хотелось пить.
Болело все, пылало жаром,
И не хотелось больше жить...
Как человеку нужно мало,
Лишь только горсточку забот.
"О вас всё знать хочу..." – сказала.
Лишь Надя, может быть, поймет.
И Лесь писал: "...мне все не мило,
Я болен... всё горит во мне.
Жизнь и семья – мне всё постыло..."
Писал о тёще, о жене.

"Что дальше будет, как? Не знаю,
Я болен телом и душой,
И, может быть, я умираю,
Прощайте друг, бесценный мой!"
Надел пальто. Качаясь вышел.
Письмо отправить Лесь решил.
И слышал он или не слышал,
Но голос Асин говорил:
"Ему заметно лучше стало,
До завтра, видно, всё пройдет.
Ведь помогло, что накричала,
И на работу он пойдет.
Да, мамочка, твои советы
Наладят жизнь нам как нибудь..."
"О, Асенька, ты этим летом
Должна, бедняжка, отдохнуть.
Лишь помни истину простую –
Себя побольше береги!
Мать не найдешь себе другую,
Мужей есть множество других,
И смогут лучше обеспечить,
Ведь всё зависит от жены...
За что так молодость калечить?
Тебе волнения вредны..."
Весенний ветер не исправил,
А смял колючих фраз слова,
Лесь помнил – он письмо отправил,
Потом был в памяти провал.
Дни побежали и недели,
Лесь никого не узнавал.
Как он добрался до постели,
Что было с ним, он сам не знал.
– Был между жизнью он и смертью, –
Ганько рассказывал друзьям,
– И, если бы не я, поверьте,
Он не дошел домой бы сам.

К нему мы доктора позвали,
Я сам лекарства покупал.
Сегодня утром мы узнали,
У Леся кризис миновал. –
– Он месяц пропустил работы,
Но это не его вина. –
Подумал ли, сказал ли кто то,
Но наступила тишина.
Та тишина успокоенья
И благодарности немой
За миг чудесного спасенья
Надежды солнечной весной.
Законы жизни бессердечны...
Ведь на несчастии одних
Судьба старается беспечно
Построить счастье для других.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

У Нади больно сердце сжалось
Лесь похудел и побледнел,
Еще печальней стал, казалось,
Он долго тяжело болел.
Опять вернулся на работу,
Но к ней одной не подошел,
Как будто медлил отчего-то,
Так в ожиданьи день прошел.
Весна устало принимала
Парад медлительных ветров
И теплотой не согревала
Тоску парижских вечеров.
Смеркалось... Попрощавшись с Далой
Печально Надя шла одна,
Но все как будто ожидала,
Что с Лесем встретиться должна.
И вот действительно у дома
За поворотом у колонн
Узнала силуэт знакомый,
Да, это был, конечно, он!
"Я твердо знала вас увижу,
Ну, расскажите, как же вы?"
"Я, может, Надя, вас обижу,
Людской боялся я молвы.
Не подошел к вам на работе,
А как хотелось подойти.
Устал от сплетен, вы поймёте,
А может, лучше мне уйти?"
"Ах, Лесь, я видеть вас так рада,
Письмо я ваше берегу
И повторять мне вам не надо,
Как объяснить я вам могу...
Я так душей перестрадала
И так соскучилась... для вас
Стихов я много написала
И все прочту их вам сейчас.

Вы обещали их исправить.
Опять отправимся бродить,
Но нужно сплетников заставить
За нами много не следить!"
"Не избежать нам их наветов,
У нас дела, увы, плохи.
Однако слово за поэтом,
Я ваши слушаю стихи."
Читала Надя Лесю много,
Не замечала, что темно,
Париж блестел огнями строго.
"Еще последнее одно:
Мне Харьков, все таки, дороже
И сердцу ближе, чем Париж.
Голодным взглядом ли прохожих,
Водой ли падающей с крыш,
Родных небес простором чистым,
Или отзывчивым теплом,
Знакомых возгласов речистых,
Иль просто русским языком."
"Вы, Надя, лучше поучитесь
Большие формы создавать.
Стихи все пишут, согласитесь,
Я не хочу вас огорчать.
Поэму лучше напишите
О мировой второй войне,
И вашей Маме посвятите,
Всё как рассказывали мне.
Начать сегодня можно даже.
Вот, кстати, свет от фонаря.
Я набросаю вам пейзажи.
Пишите, жизнь не тратьте зря!"
И на клочке бумаги вскоре
Легли холодные снега,
Ожили русские просторы,
Леса, поляны и луга.

Далёким сном неповторимым,
Но чем-то памятно-святым
И потому невозвратимым,
А Наде горестно-родным
        Души открылась вдохновенность
        И та забытая тоска,
        Та обреченность и неверность,
        Что сердцу русскому близка.
А слов и рифм волна живая
Непринужденно полилась
И сокровенность чувств простая
Нашла у Нади с прошлым связь.
        – Россия, большая Россия,
        Леса, перелески, луга,
        Величье напевов стихии,
        Метели, бураны, пурга...
Дубравы, поля и курганы,
Холодных снегов тишина,
Любимых просторов безгранных
Далекая мне сторона...–
        Давно опустели бульвары
        Парижских витрин и огней,
        Одна запоздалая пара
        Лишь свет стерегла фонарей.
Парижский обветренный вечер,
Весенний холодный апрель,
Не вы ли волнующей встречей
Создали поэму "Метель"?

●

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Свет памятных грёз вдохновений,
Дни творческих смелых высот,
Порывы прекрасных стремлений,
Безбрежных мечтаний полёт...
 Так месяцы дружбы летели,
 Сжигая раздумья мосты
 Глава за главою "Метели"
 Входили в приют суеты.
Душевных побегов посевы,
Дерзанье духовных зарниц,
Бессмертного вальса напевы
Звенели над лаской страниц.
 В заброшенной церкве забытой,
 Притихший рояль оживал,
 Здесь Лесь, музыкант-композитор
 Мир грёз и чудес создавал.
И тут же за столиком сзади,
Склонившись над стопкой стихов,
Писала счастливая Надя
Дневник своих сказочных снов!
 "Душу больную мою осветила
 Ласка приветных очей,
 Злую печаль и тоску погасила
 Сказка бессонных ночей...
Радость, как птица,
Взвилась с быстротою,
Хочет на волю лететь,
Радость, останься
 Сегодня со мною
 Душу больную согреть!
 Ласка приветная,
 Радости птица,
Ты от меня не лети,
В жизни лишь раз
Только сон этот снится,
Счастье так трудно найти..."

Лесь на слова эти Надины
Вскоре романс написал,
Творчество дружбы украденной
Радостно пело хорал:
"Не ласкай торопливой печалью,
Никогда я такой не была,
Это светло-воздушной вуалью
Мои мысли любовь замела.
Я бродила по улицам тёмным,
Спотыкалась порою впотьмах,
И везде он витал надо мною,
Злой паук-неуверенный страх,
Одиночества призрак ужасный,
Боль и горечь ушедшей мечты
И надежды на счастье напрасной,
Но сегодня мне встретился ты...
Так из недр сокровенной пещеры,
Лаской смелой уверенных рук,
Зажжена была музыкой вера
В невозможность жестоких разлук.
Распустилась заманчивой далью,
Как весенний цветок расцвела,
Не ласкай торопливой печалью,
Никогда я такой не была."
Не измерить радость словами,
Силу чувства этих часов,
Лесь и Надя вдвоем познали
Чудный дар великих Богов.
Вдохновенья дар необычный,
Счастья творчества редкий дар,
Он источником стал привычным
Необычных волшебных чар.
Желанным свидетелем встречи,
Смыслом жизни, благ бытия,
Был судьбой самою отмечен,
В дружбе крепкой любовь тая.

Но не все ли равно веками –
Та же сказка мыслей простых,
Пусть такими точно словами
Говорили это до них.
  После них это скажут тоже,
  А сейчас мир вокруг молчит,
  Волшебная песня возможно
  Лишь для Леся с Надей звенит...
Заветные строки былого
Душа бережет навсегда –
В ней суть сокровенья святого
Слилась с недоверьем бреда.
  Но в памяти нашей упорно
  Мгновенья счастливейших дней,
  Дарованных роком бесспорно
  Льют свет негасимых огней...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Суть красоты – вся в человеке;
Потомкам Чехов пояснял,
Дерзайте видеть, без помехи,
Вы свой найдете идеал!
  Мы все когда-то и в кого-то,
  Но были тоже влюблены,
  А вот не помним отчего-то
  Былых грехов своей весны.
Былых грехов, но то иное,
Минутной радости налет,
А все заветно дорогое
Навеки сердце бережет.
  Хоть лет прошло с тех пор не мало,
  А все же, будто, как вчера
  Сама судьба заколдовала
  Казалось эти вечера.

И Лесь для Нади с каждой встречей
Всё ближе делался, родней.
Зажжем потушенные свечи
Над алтарем ушедших дней!
Полу-туман плывет над Сеной,
Жмет букинистские лотки,
Рой барж осинно неизменный
И рыболовные крючки.
Уходит лето понемногу,
Короче солнечный привет,
Осенний воздух у порога,
Смущает дня спешащий свет.
Гулять ли у притихшей Сены,
Стоять ли на мосту вдвоем,
Следить за каждой переменой
Парижа в облике ночном.
Главу ли обсуждать "Метели",
Иль терпеливо Леся ждать,
Для Нади счастья дни летели...
Читатель, Вам ли не понять?
Быть снова вместе – в этом счастье,
Душою осознав любовь,
Не тяготилась Надя властью
Волшебных этих вечеров.
За Сеной профиль благородный
Над полем Марсовым встает
Свет башни Эйфелевой гордой,
Даря огнями небосвод.
Глава прочитана "Метели".
"– Всё, Надя, хорошо сейчас,
Я знал, Вы всё сказать сумели,
Я похвалю сегодня Вас!"

"– Вы критик, Лесь, весьма жестокий,
Я много не спала ночей,
Все переделанные строки
Плод вашей мысли, не моей."
    Как, – Надя и сама не знала, –
    Так в благодарность, просто, вдруг
    Она его поцеловала,
    Забыв смущенье и испуг.
Скажите, где предел конечный
Кристальной дружбы и любви?
Ведь поцелуя вздох беспечный
Права отстаивал свои.
    И радость с тайной простотою
    Ответных губ нашла уют,
    А руки Леся жарким зноем
    Сожгли бездействие минут.
Ночь расцвела арабской сказкой...
Священный молодости дым
Сгустил чудес земные краски
Волшебным подвигом своим.
    Но кто-то подошел некстати
    И голос бурю затая
    Взывал к заслуженной расплате
    Поступок дерзкий бытия.
Они никак не ожидали,
Не понимали, кто она?
И почему им помешали?...
"– Я Ася, Лесина жена!!!"

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О, сплетни, нет страшнее силы,
Житейской подлости земли,
Вы даже Пушкина в могилу
Отравой пошлости свели.
    Чужды вам жалость и прощенье,
    Упрёки совести чужды,
    Несете вы без сожаленья
    Свои решенья и суды...
Потоки сплетен вероломных
На Надю с Лесем полились,
И затхлой грязью слухов тёмных
По сослуживцам понеслись...
    Ганько был первым и ретивым
    Молвы источником мирской
    И сплетни тёрпкой нитью лживой
    Повёл узор её гнилой.
"Мне это Ася рассказала,
Он с упоеньем повторял,
Она давно подозревала,
А я сегодня всё узнал.
    Встречалась Надя с Лесем часто
    В Баптистской церкви на Версаль,
    Священник дал своё согласье
    Свой Лесю пользовать рояль.
Лесь там играл для службы что-то,
Для церкви песню написал
И регулярно по субботам
Он эту церковь посещал.
    А Надя, видано ли это?
    Туда повадилась ходить,
    Но от жены таких секретов
    Нельзя надолго утаить.

Их вскоре Ася проследила,
Они вдвоём из церкви шли,
Она за ними поспешила,
Так вместе к Сене подошли...
Остановились... Ася сзади,
Чуть не заплакала навзрыд,
Ведь мужа Надя целовала,
Какой позор, кошмар и стыд!"
"– Хотя бы зонтиком ей Ася
По голове своим дала!"
"– На этот раз она, к несчастью,
Его с собою не взяла,
Но окончательно решила
Не нервничать тогда она,
И только громко повторила:
"Я – Ася, Лесина жена!"
В предотвращении ли ссоры,
Хоть Лесь, казалось, был и зол,
Но он, без лишних разговоров,
Тотчас же с Асею ушел.
А Надя? Та одна осталась,
Наверно стыдно было ей,
Ведь на работу не являлась
Она в течении трех дней."
"Какие, Боже, стали нравы,
Открыто мужа целовать,
Теперь мы безусловно в праве
Реброву правду рассказать.
Работать больше с ней не можем,
Распутства эти поощрять
Не будем больше, Боже! Боже!
Её он должен рассчитать!
Здесь не Советская Россия –
Разврат чудовищных начал,
Любви свободные стихии,
Какой позор! Какой скандал!"

Однако мненья разделились,
Одни остались в стороне,
Хоть в спор вступить и не решились,
Но не поверили вполне...
Другие приукрасив вдвое,
С восторгом сплетню понесли,
Весь "Саножиль" лишив покоя
В столь всем нам памятные дни...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поймёшь ли ты это томленье
Вчерашних мелькнувших часов,
И счастье любви и смиренье,
И ласку несказанных слов?
Не знаю, сумеешь измерить
Ты грусть, эту боль, этот гнёт,
Судьбе непреклонной доверить
Любви многоликий полёт?
А грёз моей оды незримой
Нет больше, не жди никогда,
Ты должен вернуться, любимый,
Обратно к жене навсегда.
Сказать, объяснить, ей поверить
Тревоги и чувства свои,
И, если не верит, уверить
В святые начала любви...
Прощай, твою дружбу и ласку
Я в сердце моем сберегу,
Но больше мечтаний я сказку
Моею считать не могу.
Не в силах на счастье чужое
Раздоров я тень навести,
Мне нужно расстаться с тобою
И первой с дороги уйти.

Как больно! Как, все таки, больно!
Но сделать мы это должны,
Не надо, не нужно, довольно,
Законы судьбы решены.
И мы подчинимся безмолвно,
Прощай, ненаглядный, поверь –
Так лучше для всех безусловно,
А общих дорог нет теперь...
Письмо перечитано снова
Лесь знает на память его,
Запомнилось каждое слово,
Все ясно теперь для него.
Звонок... Тишина... Нет ответа...
Сейчас объяснить и сказать
Совсем не о том, а об этом –
Друг друга нельзя потерять!
И снова звонок и молчанье,
А где же старушка швея?
Еше раз... И вновь ожиданье...
Родная, открой – это я...
Друзья, от радости при встрече
Порой не скажешь нужных слов,
Лишает, видно, дара речи
Нас настоящая любовь...
Слова, вопросы и ответы,
Важны они, иль не важны?
Ведь сердце бьется беззаветно,
А мы безумно влюблены...
И той былой весны желанья,
Горячей бешенной волной,
Чаруют лаской свиданья
День встречи вечно молодой.
Томится вечер негой счастья
И рассужденья не нужны,
Самой судьбы несут согласье
В себе напевы тишины.

Решается сама собою
Проблема сложная задач:
Прочь приношенье жертв пустое
И гордых душ покорный плач.
Любовь – она неукротима,
И чувства равного ей нет,
Пройти нам, грешным, трудно мимо,
Коль Бог зажжет любви рассвет.
Открыта дверь и перед Надей
Желанно долгожданный Лесь
Сомненья, страхи, муки сзади,
Он с ней опять, любимый, здесь.
Не надо писем, ради Бога,
Поймите, Надя, навсегда,
Хотя войны прошла тревога,
Но ведь сейчас, как и тогда
Легко меняются границы,
Расходятся, ну, и потом...
Так суждено было случиться
И тут вы вовсе ни при чём.
Как вам давно уже известно
И это, кстати, не секрет,
Я с Асей жить не буду вместе
Поймёте это, или нет?
Пойдете вы теперь со мною?
Решайте сами, вам видней,
Расстался с тещей и женою,
Один опять с тоской своей.
Собаку, да и ту ласкают,
А я ведь их тянул, кормил,
Пускай другого унижают,
Насильно, разве будешь мил?!
Упрёки, сплетни, крики, ссоры,
И недовольства ропот злой,
И поученья и укоры,
А я хотел иметь покой...

Но с каждым годом было хуже,
О, как мне было тяжело,
Теперь мне ничего не нужно,
Переболело и прошло.
Любимый, Лесь, я понимаю,
Пусть говорят все, что хотят,
Мы не расстанемся, я знаю,
Возврата больше нет назад...
Нас одиночество связало,
И творчество, и свет любви,
Любовь сама пришла сначала,
Её зови, иль не зови...
Она без имени приходит
И рвётся прямо в сердце к нам,
Сама судьба не прекословит
И мир несёт к её ногам.
Она житейских будней сказка,
Седых дорог земных весна,
Чудес чарующая ласка,
Душевных таинств глубина.
Она грозит, мятежит душу
И жизнь летит, скользя, вверх дном,
Собою фейерверки тушит
И в сердце лезет напролом.
Она несет весны соцветья
В улыбку счастья, в грёзы снов,
О, пережившая столетья,
Неповторимая любовь!...
Подслушав тайну человека
Она одним своим перстом
Укоры совести навеки
Сменяет лёгким забытьём...
Ни колдовством, ни местью ада
Не изменить любви дорог,
Дар этот жизненной награды
Послал нам сам Всесильный Бог.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Снег... Канун Рождества в Париже,
Радость ласки любимых глаз,
Нитью быстрой в памяти нижет
Сказки счастья былой рассказ.
Настоящая феерия света –
Мириады цветных огней,
В окнах ёлки блестят приветно,
А улыбки в глазах людей.
Почтальоны и поздравленья,
Открыткам, письмам нет числа,
Колядки слышны, песнопенья,
Церковные колокола.
Магазины, окна, витрины,
Подарки и радостный смех,
Заметает былого картины
Рождества ушедшего снег.
Праздник духа, покоя, света,
К нему тянется человек,
Чтущий в сердце Бога заветы,
Даже в наш неверящий век.
Комнатушка в сыром подвале,
А для Леся и Нади дом.
И канун Рождества встречали
В этот раз они здесь вдвоём.
Лесь украсил музыкой звуков
Ткань поэзии Надиных слов,
Сила творчества стала порукой
Навсегда восславить любовь:
"Вьюга ли плачется, стужа ли зимняя,
Или холодного ветра печаль,
Вечно далёкая, тихая, синяя
Мыслей счастливых безбрежная даль.
Чужды печали ей, сны неприглядные,
Ей непонятны ни скорби, ни гнев,
Мысли счастливые, мысли отрадные,
Новой весны золотистый напев.

Пусть же поплачется вьюга сердитая,
Ветер пускай нагоняет печаль,
Вечно далёкая, тихая, скрытая
Мыслей счастливых безбрежная даль...
Путь трудный прошли дороги,
Уезжают завтра они,
Может снова их ждут тревоги,
Испытаний новые дни.
Билеты и визы готовы,
Неизвестность их не страшит,
Они вместе, а в сердце снова
Песня счастья весны звенит.
В последний раз по Парижу
Читатель, пройдём с тобой!
Ведь Рождественской песней брызжет
Шумных улиц взгляд огневой.
Наполеона видишь могилу?
Богоматери вот собор,
Авеню де Версай и милый
Сердцу Сены ласковый взор.
Вот Согласия площадь справа,
Обелиск трофейных побед,
Императорских дней кровавых
И походов ушедших след.
Переход к Этуалю, арка,
Там фонтаны, Булонский лес,
И старинных аллеев парки
Французской земли чудес.
Богатель – дивный сад поэтов,
Изречения Дэ Ренье,
Холод плит, хранящих заветы
Гюго, Верлэна, Готье.
В белорозовом мраморе лики,
Спите, гении старины,
Ваших слов бессмертно великих
Монолог несет тишины...

Ламартин, Валери́, а рядом
Вот Ронсар, Нэрваль, Де Виньи –
Элиты земная награда –
Исполинов славные дни...
    Город мира самый прекрасный,
    Страстный город встреч и любви,
    Ты элегию снов ненастных
    Заключил в объятья свои.
Город шума, толпы и блеска,
Катехизис житейских ниш,
Судьбы изменяющий фрески,
Многоликий прощай Париж!!!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приморским стелется туманом
Воспоминанье прошлых дней,
То в море скроется нежданно,
То к берегам плывёт быстрей.
    Встает живой стеной былое
    И ждёт свой час и ждёт свой день,
    Когда войдёт ценой любою
    Оно нам в душу, словно тень.
Нахлынет радостным потоком
И невозвратностью тоски,
Печалью искренно глубокой
Зажжёт раздумья огоньки.
    Рефлекс сознания пробудит,
    Давно ушедшие года...
    Но что прошло, того не будет,
    Не повторится никогда...
Ведь наша жизнь подходит тоже
К концу земного рубежа,
И нас, как всех других, тревожит
Миров блеснувшая межа.

И оттого заметно ближе
Воспоминания туман,
Весна далёкого Парижа
И Сены ласковый дурман.
Блеск глаз влюбленных и счастливых
И молодых надежд мечты,
Прошедших, впрочем, где-то мимо
В толпе житейской суеты.
Туманы прошлого мелькают,
Подняв завесу дней былых
И в сердце нашем воскрешают
Зарю порывов молодых.
Покорных будней вереницы,
А что несете вы с собой?
Какие новые страницы
Припишем к повести былой?
Какие радости, страданья,
Что ждёт еще нас впереди?
Былое кончено сказанье,
Читатель, нас не осуди!...
За шаткость жизненных устоев,
Несовершенный стиль стихов,
За сочетанье рифм простое
И нашу пылкую любовь...
Для нестареющих душою,
В мелькнувшей мгле страстей былых,
Узреть положено былое
В рассветном блеске чар живых:
Шаги земные начинаний,
Судьбой зажженные огни —
Желанный мир воспоминаний!
Ушедшей сказки счастья дни...

Конец

Printed in the United States of America

В книжном складе издательства "Books by Mail" имеется

"Метель" – роман в стихах, в котором описывается эпоха Второй мировой войны и судьба двух женщин, связанных с нею. 2 дол.

"Былое" – роман в стихах – вторая часть "Метели" 2 дол.

"Сказки для взрослых и детей" .... 2 дол.

Песни и романсы на слова Е. Кукловской, музыка К. Кукловского

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ:

"Зайчик", "Жучка" ор. 1	№ 1-2	50	сентов
"Курочка", "Птичка" ор. 1	№ 3-4	50	"
"Кукла Маша", "Колыбельная"	№ 5-6	50	"
"Ежик", "Под лопушком"	№ 7-8	50	"
"Осень", "Кузнечик"	№ 9-10	50	"
"Маринка", ор. 2	№ 1	25	"
"Елочный хоровод" ор. 2	№ 2	25	"
"Весенний хоровод" ор. 2	№ 3	25	"

и другие

ДЛЯ ЮНОШЕСКОГО ХОРА ИЛИ ДЛЯ ДУЭТА:

"Марш юности"	ор. 12	75	сентов
"Христос Воскресе"	ор. 29	35	"

ДЛЯ СМЕШАННОГО 4-х ГОЛОСНОГО ХОРА:

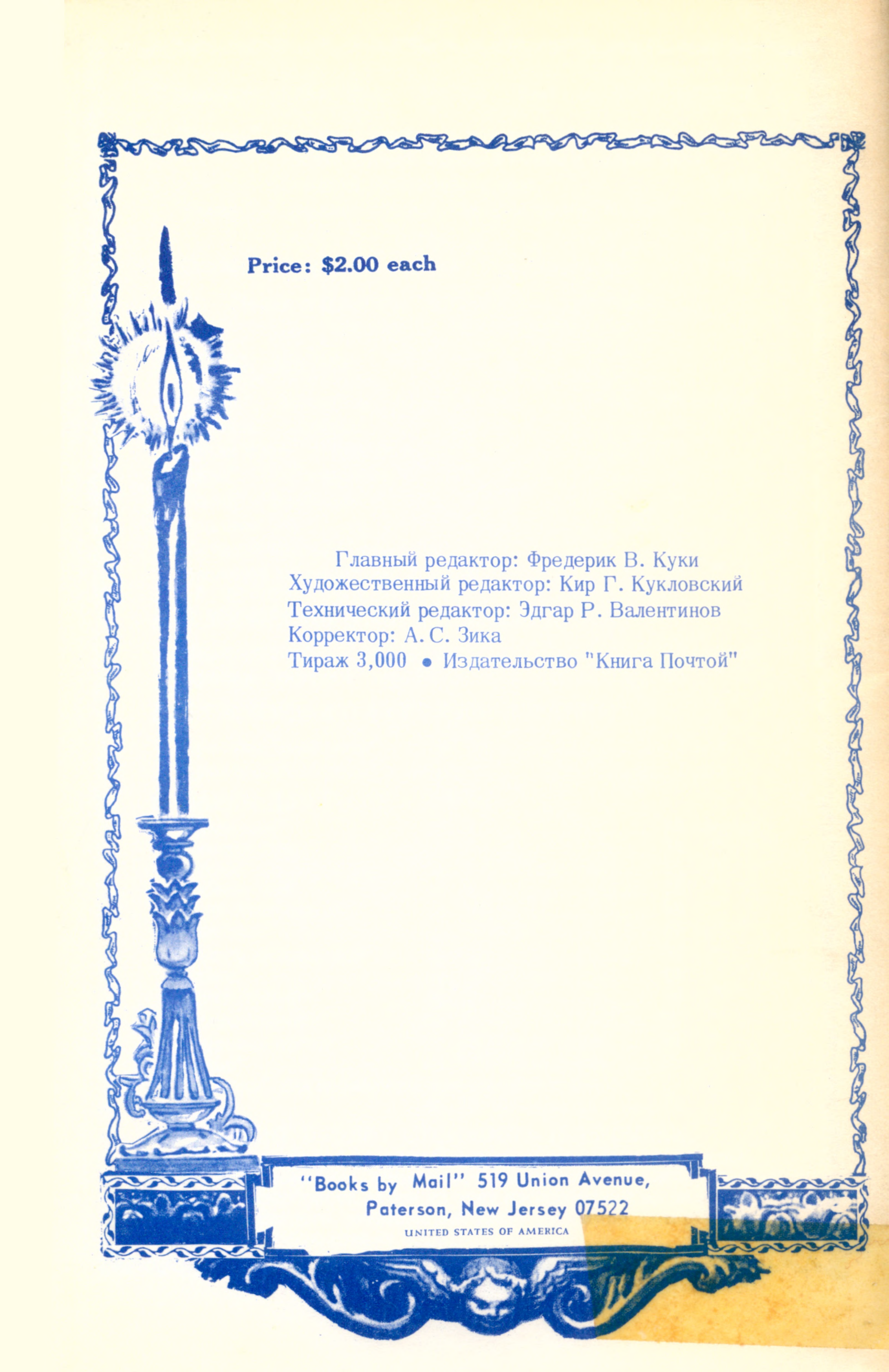
"Христос Воскресе"	ор. 29	1 дол.
"Христос Воскресе" голоса		1 дол.

РОМАНСЫ ДЛЯ ГОЛОСА И Ф-НО:

"Думы мои"	ор. 3	50	сентов
"Зимняя песня"	ор. 7	75	"
"Осень"	ор. 8	35	"
"Забыто всё"	ор. 9	75	"
"Я не знаю покоя"	ор. 10	50	"
"Ноктюрн"	ор. 13 № 2	60	"
"Вьюга ли плачется"	ор. 16	95	"
"Чайка"	ор. 18	95	"
"Душу больную"	ор. 25	35	"
"Осень золотая"	ор. 30	75	"
"Грустная песня"	ор. 20 – соло пиано	35	"
"Вальс"	ор. 17 – соло пиано	35	"
"Ноктюрн" для виолончели или скрипки с ф-но	ор. 13	75	"

В ЦЕНУ ВХОДИТ СТОИМОСТЬ ПЕРЕСЫЛКИ.

Большинство песен и романсов издано на английском, русском, украинском, польском, немецком, французском языках. Желающим приобрести любое из этих произведений, но не имеющим на это средств, редакция высылает просимое совершенно бесплатно в любую страну мира.

Price: $2.00 each

Главный редактор: Фредерик В. Куки
Художественный редактор: Кир Г. Кукловский
Технический редактор: Эдгар Р. Валентинов
Корректор: А. С. Зика
Тираж 3,000 • Издательство "Книга Почтой"

"Books by Mail" 519 Union Avenue,
Paterson, New Jersey 07522
UNITED STATES OF AMERICA